

РАССЛЕДОВАНИЕ

30

ЧАШЕЧКОЙ

7010

*Посвящается моим дорогим тётке и дяде —
Галине Петровне и Григорию Григорьевичу
Кардашьян с искренней любовью и уважением.*

Действующие лица и события
романа вымышлены, и сходство их
с реальными лицами и событиями
абсолютно случайно.

Автор

Глава 1

Гордей Тимофеевич Трифонов был мужчиной, что называется, в полном расцвете сил. Владел пусть не слишком большим, но вполне солидным и, главное, перспективным деревообрабатывающим заводом, недвижимостью в виде загородного дома и нескольких квартир в черте города, парком новеньких иномарок. Да и счёт в банке у него был кругленьким. Так что Трифонов был уверен, что, «земную жизнь пройдя до половины», он достиг всего, чего хотел. Его бизнес продолжал развиваться, принося солидный доход. Он вырастил сына и дочь. У него даже имелись два внука.

Трифонов не сомневался, что вторая часть его жизни будет не короче первой. Да, именно так. Жить Гордей Тимофеевич собирался не менее ста лет. Он верил в то, что вторая половина принесёт ему удовлетворение не только в деловой, но и в личной жизни. Пока же она складывалась не вполне удачно.

Хотя, если быть честным, ещё несколько лет назад он так не считал. Трифонов, будучи примерным семьянином, и не помышлял о разрыве со своей женой Мариной, на которой женился ещё во время

учёбы в институте. Марина безропотно разделяла с ним все трудности студенческого быта, терпела неудобства и бедность, пока Гордей искал своё место в жизни, потом работала с ним бок о бок на его поначалу небольшом предприятии, была при муже и секретарём, и бухгалтером. Плюс ко всему на Марине держался дом, и она же занималась воспитанием детей. Лишь после того, как Трифонов окончательно стал на ноги, Марина стала хозяйкой загородного дома и полностью посвятила себя семье.

Всё в их семейной жизни шло гладко и предсказуемо на несколько лет вперёд, пока на одном из фуршетов Гордей не увидел красавицу Аниту. Стройная, высокая, с копной натуральных рыжих волос, она сразу бросалась в глаза. И Трифонов влюбился в неё без памяти с первого взгляда. О том, было ли это именно любовью или чем-то другим, более приземлённым, Гордей не задумывался. Пряди рыжих волос Аниты при малейшем колебании воздуха приходили в движение, они колыхались, взлетали и отливали золотом. Гордею Тимофеевичу рыжие волосы девушки напоминали языки пламени, и он чувствовал себя фанатиком, охваченным неземной страстью и добровольно входящим на костёр. О том, что цвет волос у девушки натуральный, можно было догадаться по её тонкой розовой коже, которую она старательно защищала от солнца, и бледной россыпи веснушек, которые проступали то здесь, то там, несмотря на то что красавица отчаянно боролась с ними. Правда, Трифонов тогда этого не знал.

Окружающие, узнав об увлечении предпринимателя, отнеслись к этому по-разному. Друзья, которые жалели его, напоминали Гордею как бы в шутку пословицу: «Седина в бороде, бес в ребро». Но он от

их слов отмахивался, как от надоедливой осенней мухи, и даже смеялся: завидуйте, мол, молча. Были, конечно, и те, кто злорадствовал и с нетерпением ждал, когда же молодая возлюбленная украсит голову Гордея развесистыми рогами. А кто-то и на самом деле завидовал — какую красотку отхватил старый пень.

Анита, заметив влюблённые взгляды Трифонова, отнеслась к нему благосклонно и не стала скрывать, что и сама заинтересована им. Трифонову такое отношение девушки льстило, он буквально рос в своих собственных глазах. Осмелев, Гордей перестал скрывать свои намерения, и Анита, в свою очередь, поощряла его ухаживания. Поначалу он надеялся, что она станет его любовницей. Но Анита и слышать об этом не хотела, заявив, что она девушка из порядочной семьи, а не шалава-привокзальная.

Трифонов удивился: почему шалава и привокзальная? Но она ничего не ответила, только облила его взглядом, полным презрения.

«Гордая», — подумал он и понял, что, если он хочет обладать Анитой, ему придётся развестись с Мариной. И он развёлся. На развод он решил спонтанно, не обдумывая ни минуты реакцию на него жены, детей, друзей. У него была одна цель — заполучить Аниту.

Марина, как и следовало ожидать, была ошарашена, сначала она не поверила, что муж говорит о разводе серьёзно. А когда поняла, что он не шутит, как-то сразу поникла и постарела лет на десять. Но удерживать мужа не стала. Ни слёз, ни скандалов, ни упреков. Всё это он получил от детей.

Сын и сноха сразу же отвернулись от него и перестали общаться, запретив видеться с внуками.

А дочь вылила на его голову целый поток брани и проклятий. Разъярясь, она кричала в лицо отцу:

— Ты ещё пожалеешь, что связался с этой треклятой гадюкой!

Гадюкой дочь называла Аниту. И никак иначе, только гадюка. Как ни странно, она оказалась права. Анита на самом деле оказалась змеей.

Гордей Тимофеевич, вероятно, не слишком внимательно читал «Божественную комедию» Данте Алигьери. Если вообще читал. Иначе бы он помнил, что там написано дальше: «Я очутился в сумрачном лесу, утратив правый путь во тьме долины». Так всё и случилось после его женитьбы на Аните. Мудрый классик как в воду глядел.

Хотя сначала всё у них складывалось хорошо и, даже с точки зрения Гордея, который до этого не был склонен к романтике, волшебно! Анита была нежна и трепетна. Она напоминала ему цветок белой ветреницы, тончайших лепестков которой по весне едва заметно касается очарованный её хрупкостью ветер. Дословно ботаническое название ветреницы переводится как «дочь ветров». По одной из легенд, ветреницы выросли из пролитых Афродитой слёз, когда она тосковала по утраченному возлюбленному. Но Гордей свою возлюбленную не утратил, а обрёл. По крайней мере, именно так он считал в первые недели их скоропалительного брака. Поэтому на протяжении всего медового месяца он не плакал, а улыбался и даже смеялся от счастья. Наконец-то оно пришло к нему!

Если бы голова Гордея Тимофеевича не кружилась так сильно от страсти, он бы уже во время свадебного путешествия заметил непомерные аппетиты молодой супруги. Но даже если бы и заметил, навряд ли меркантильность Аниты хоть как-то от-

разилась бы на отношении к ней мужа. Он готов был потратить на неё все деньги! И опять же только для неё одной заработать новые. Как там пелось в старинной песне: «Когда б имел золотые горы и реки, полные вина, всё отдал бы за ласки, взоры, чтобы владела мной одна». Так вот, Трифонов горы в некотором роде имел, и в отличие от героя той же песни, обещавшего гипотетически, Гордей отдавал. И никто ему, кроме Аниты, как он тогда считал, был не нужен. Взамен ему хотелось только одного, чтобы Анита продолжала любить его так же горячо, как в их первые ночи любви. Трифонов глотал виагру и наслаждался новизной отношений. В конце концов Анита настолько очаровала его, что он решил завещать ей всё движимое и недвижимое. К тому же повёл себя как последний дурак и в постели проговорился ей об изменении завещания в её пользу как о свершившемся факте.

После чего сексуальные аппетиты Аниты возросли в несколько раз, и она стала просто необузданной. Трифонов был на седьмом небе от счастья, он считал, что из-за благодарности и от восхищения его щедростью жена воспылала к нему ещё большей любовью.

Гордей Тимофеевич как-то не удержался и похвастался темпераментом своей жены перед своим старинным другом Дмитрием. А тот вместо того, чтобы восхититься, поправил на носу очки в тонкой золотистой оправе и спросил осторожно: «А тебе не кажется, Гордей, что твоя жена просто-напросто надеется избавиться от тебя таким экстравагантным способом?»

Обескураженный, Гордей тогда сначала растерялся, а потом буквально взбеленился от ярости. Кому же приятно, когда близкий друг говорит тебе в гла-

за чуть ли не прямым текстом: «Дурачина ты, простофиля!» Этого Гордей не мог простить никому, да же Дмитрию, поэтому и закричал, брызгая слюной:

— Ты просто завидуешь мне! Твоя толстуха Танька давно потеряла товарный вид, и ты, глядя на неё, зеваешь от скуки! Ты даже представления не имеешь, какой страстной и сладкой может быть молодая, сочащаяся от желания женщина.

— Куда уж мне, — вздохнул Дмитрий, как показалось тогда Гордею, с тоской по утраченным возможностям. На самом же деле друг вздыхал от сочувствия и тревоги за Трифонова. Его самого как раз-таки и устраивала его пышная жена, которая, несмотря на возраст и некоторую полноту, выглядела молодо и аппетитно. По крайней мере, молодые мужчины на неё заглядывались. Но муж любил её не за это. А за то, что мог поговорить с ней на любую тему и обсудить с ней все проблемы, возникающие на работе. Да и радоваться его успехам никто не мог искренней и ярче, чем родная жена.

После этой размолвки отношения двух давних друзей сошли на нет. До Гордея доходили слухи, что Дмитрий и Татьяна продолжают дружить с его бывшей женой Мариной. Но это ничуть его не волновало. Хотя поначалу по его самолюбию больно царапнул тот факт, что большинство его знакомых остались верны приятельским отношениям с Мариной и довольно холодно приняли ослепительную Аниту. Потом он махнул на это рукой и сделал вид, что знать ничего не знает и знать не хочет.

Трифонов продолжал наслаждаться жизнью, благо здоровье не подкачало. Стараясь как можно больше времени посвящать Аните, он даже большую часть производственных дел переложил на заков. Благо весь процесс был отлажен, завод работал в

прежнем режиме и приносил доходы. Насторожился он только тогда, когда до него дошли сплетни, что вроде бы его замы стали вести более роскошную жизнь, чем вели прежде. Один из них даже яхточку себе прикупил, а другой усадьбу для дочери в ближнем зарубежье. «Надо бы вернуться к делам», — подумал тогда Гордей Тимофеевич и, дав себе побездельничать ещё месяц, вернулся-таки к работе. Замам это, может быть, и не понравилось, но они ничем себя не выдали, наоборот, сделали вид, что обрадовались.

— Наконец-то, Гордей Тимофеевич! — воскликнул один.

— Мы жаждали вас, — поддержал его другой.

Анита отнеслась с пониманием к решению мужа отдавать больше времени работе, и даже вроде как бы обрадовалась, что он вернулся к полноценному занятию бизнесом.

— Теперь у нас будет ещё больше денег, — пошутила она.

— А то тебе их не хватало, — благодушно отозвался он.

— Деньги никогда лишними не бывают, — резонно заметила жена.

«Молодая, да ранняя», — подумал он с гордостью.

Всё свободное время супруги проводили вместе. Трифонов вывозил жену на все торжественные мероприятия, собрания и даже чисто дружеские вечеринки. Анита любила общество. Ей нравилось возвращаться среди обеспеченных и успешных людей. Она завела себе множество знакомых среди жён, подруг и даже дочерей предпринимателей и не только.

И всё бы ничего, но спустя полтора года отношение Аниты к мужу резко изменилось. Она ста-

ла отказывать ему в близости, грубить, потом дала ему понять, что он ей наскучил. Дальше — больше, вскоре она, не стесняясь, стала демонстрировать ему свою холодность и даже пренебрежение не за закрытыми дверями их супружеской спальни, а на людях. Поначалу Гордей Тимофеевич не мог поверить своим глазам и ушам. Когда же до него начало доходить истинное положение вещей, он, закрипев зубами от ярости, пообещал наказать ставшую строптивой супругу. Однако ей пока ничего не сказал.

Зато одна из приятельниц Аниты предупредительно заметила в разговоре с ней:

— Тебе бы, милочка, стоило вести себя поосторожней с Гордеем.

— Ещё чего! — отозвалась молодая жена Трифонова.

— Если будешь вести себя неразумно, то ты можешь потерять богатого мужа.

— Кому нужен этот старый пень, — презрительно фыркнула Анита.

— Не скажи, — улыбнулась приятельница, — во-первых, он вовсе не старый, ему и пятидесяти шести нет, а во-вторых, будь он хоть престарелым Квазимодо, его деньги прельстят не одну юную прелестницу.

Анита в ответ громко рассмеялась, давая понять, что она уверена в своей власти над мужем. Приятельница в ответ только плечами пожала, давая понять, что дело хозяйское, но я тебя предупредила.

Трифонов тогда стоял в тени беседки и отлично слышал весь их разговор. Если до этого в сердце Гордея всё ещё боролись любовь и ненависть к жене, он всё ещё желал её. Но после услышанного в душе его точно что-то перевернулось, и он почувствовал, что не испытывает к Аните не только прежней

пылкой страсти, но даже слабого желания. Он переселился жить на другую половину дома и всячески избегал встреч с женой. Он даже обедать дома перестал. Ужинал тоже чаще всего в городе или у себя в кабинете. О завещании Гордей пока не вспоминал.

Глава 2

Прошёл примерно месяц, и неожиданно Трифонов почувствовал, что его потянуло к прежней жене. Ему захотелось помириться с детьми. Промаявшись несколько дней, Гордей набрался храбрости и позвонил Марине. Сначала ему хотелось просто услышать её голос, а потом он решил попросить её о встрече. Очень боялся, что она откажет ему. Но Марина согласилась.

Вернее, когда она взяла трубку, то по её голосу Гордей почувствовал, как она удивлена и встревожена. Первым вопросом, который она задала бывшему мужу, был:

— Гордей, как ты себя чувствуешь?

— Неплохо, — ответил он.

— У тебя что-то случилось? — продолжала допытываться Марина.

Сердце Гордея радостно забилося. Она всё ещё любит его! Иначе не стала бы так явно беспокоиться о нём.

— У меня всё нормально, — ответил он на её вопрос.

— Зачем же тогда ты мне звонишь? — Голос бывшей жены стал сухим.

— Соскучился, — честно признался он.

— Соскучился? — удивилась она.

— А разве человек не может соскучиться по другому человеку, с которым прожил вместе не один десяток лет?

— Странно, что ты об этом вспомнил, — печально отозвалась она.

— Может, я и не забывал, — обиделся он. — Откуда ты знаешь?

— Гордей, ты что, смеёшься надо мной? — спросила бывшая жена.

— Нет, что ты! — испугался он.

— Если бы ты скучал обо мне, — с горечью вырвалось у Марины, — то не развёлся бы со мной! И не женился на другой.

— Когда мы жили вместе, я не сознавал, насколько ты мне дорога, — признался он почти искренне.

— Тебе что, молодая жена рога наставила? — неожиданно спросила Марина.

— Не знаю, — растерялся он, — с чего ты взяла?

— По твоему голосу.

— Дело не в рогах, — вздохнул Гордей, — просто она меня не понимает, — пожаловался он.

— Может, и правильно делает?

— То есть?

— Что толку в том, что я тебя понимала или, по крайней мере, всегда старалась понять?

— Толку вышло мало, — согласился он и попросил: — Марина, прости меня, пожалуйста.

— Считаю, что уже простила, — вздохнула женщина.

— Правда? — обрадовался он.

— Правда, — прошелестел её голос еле слышно.

— Марина! Ты святая! — вырвалось у него на этот раз искренне.

— Да, наверное, — согласилась она и добавила: — Поэтому ты и ушёл от меня.

— Что ты имеешь в виду? — удивился Гордей.

— Только то, что со святыми не живут.

— Но мы же с тобой столько лет прожили вместе!

— Прожили, — отозвалась Марина. — Но почти все годы, что мы прожили вместе, ты был занят делом, зарабатывал деньги, не давая себе остановиться. А когда остановился, то увидел, что я не та женщина, которая тебе нужна.

— Не говори глупостей, — неожиданно рассердился Гордей.

— Разве я не права? — удивилась Марина.

— Нет, конечно, любимая.

— Любимая? — удивилась она ещё сильнее.

— Марина! Я был таким дураком! Если бы ты только знала! — вырвалось у него помимо воли.

— Я, кажется, догадываюсь, — её голос дрогнул, и Гордею показалось, что Марина грустно улыбнулась. Видеть он этого не мог, только догадывался по изменившемуся тембру её голоса.

— Марина! Нам нужно встретиться! — воскликнул Гордей.

— Ты думаешь? — Её голос был полон сомнения.

То, что она с ходу не отказала ему, придало Трифонову решительности.

— Я в этом уверен. Нам так много нужно обсудить, глядя друг другу в глаза.

— Я даже не знаю, Гордей.

— Марина, позволь мне искупить свою вину перед тобой! — взмолился он.

— Не надо, Гордей...

— Я понимаю, что ты обижена, растеряна, но, пожалуйста, давай хотя бы встретимся и поговорим. Ведь это ни к чему тебя не обязывает.

— И тебя тоже, — отозвалась она с укоризной в голосе, но Гордей почувствовал, что она на распутье.

И чтобы подтолкнуть её к нужному решению, быстро проговорил:

— Мариночка, ты не права.

— В чём?

— Давай встретимся завтра в «Нептуне», и я всё объясню тебе.

— Завтра? — растерянно проговорила она.

— Да! Зачем же нам откладывать?!

— Хорошо, — согласилась бывшая жена, всё ещё не будучи уверенной в правильности принятого решения, — но только не в «Нептуне».

— Почему?

— Там многим знакомы наши лица.

— А где? — решил он не спорить.

И она выбрала скромную, хотя и уютную кофейню «Старая мельница».

— Хорошо. Я завтра буду ждать тебя в семь часов вечера на стоянке. Хорошо?

— Да, Гордей, хорошо. Я подъеду.

— Тогда до завтра, Мариночка.

— До завтра, Гордей.

Вернувшись домой, он прошёл мимо гостиной и услышал, как, сидя на диване, Анита с кем-то разговаривала по телефону и громко смеялась. Трифонов не прислушивался к словам жены, но, судя по кокетливому тону и смешкам, Анита разговаривала с мужчиной. «Может, Марина оказалась не так уж и не права, когда заподозрила, что я ношу ветвистые рога. Может, люди уже смеются за моей спиной». Но думать об Аните в этот вечер ему не хотелось, и Гордей решил, что разберётся с ней позднее. Рано или поздно ему потребуется от неё развод. Поэтому со-

всем неплохо нанять частного детектива, чтобы он проследил за ней и представил отчёт о её похождениях. Гордей удивлялся самому себе — надо же было быть таким слепцом, чтобы поменять Марину на эту рыжую девку.

В эту ночь Трифонов почти не спал. Сквозь открытое окно в его спальню вливались ночная прохлада и запахи влажной травы и поздних летних цветов. Он всё время забывал их названия, но пахли они изумительно. Гордей ворочался с боку на бок и вспоминал всю свою жизнь, начиная с раннего детства. Сначала прожитые годы разворачивались перед ним, как кадры киноленты, первые годы прожитые с Мариной, он помнил довольно ярко, рождение детей... А потом воспоминания стали серыми и унылыми... Что же случилось на том этапе с ним или с ними со всеми? Ведь он старался, вкалывал, как проклятый. И Марина была рядом. Потом появились деньги, и они отдалились друг от друга. Или он отдалился от своей семьи? Вот и дети — ни дочь, ни сын — не хотят даже разговаривать с ним. Пытался ли он вернуть их? Да пытался. Как? Запугивал, что лишит наследства. А потом и впрямь всё переписал на молодую жену. Гордей решил, что пришло время всё снова поменять в его жизни. Уснул он перед самым рассветом. А в семь уже пришлось встать, позавтракать и идти на работу. Благодаря множеству дел день пролетел как одно мгновение. И тут словно кто-то невидимый прошептал ему на ухо — Марина. Сердце сладко замерло. На часах было шесть вечера. Трифонов решил выехать заранее и подождать бывшую жену на стоянке перед кофейней.

Когда он подъехал к «Старой мельнице», часы на Старой башне, что напротив, показывали без двадцати семь. Да, приехал он рано. Ничего, подождёт.

Только тут он вспомнил, что, как всегда, не купил Марине цветов. Гордей дал себе зарок, что этого больше не повторится. Теперь он всегда будет дарить ей цветы. Вырулив со стоянки, он завернул за угол и, проехав несколько метров, остановился перед первым же цветочным магазинчиком. Хотел купить розы, но потом передумал и купил большой букет георгинов, которые источали не очень сильный, но приятный аромат. И что интересно: цветы разного цвета пахли по-разному. Гордей впервые в жизни обратил на это внимание и удивился. Надо же, подумал он про себя. Когда он второй раз оказался на стоянке перед кофейней, то увидел «Хонду» своей жены.

Марина тоже приехала на свидание чуть раньше, но не торопилась покидать салон автомобиля. Сколько он помнил Марину, она никогда никуда не опаздывала. Некоторые люди, желая сделать ей комплимент, говорили, «точность — вежливость королей», но Марина всегда отшучивалась: «Какая из меня королева». И это было правдой, Марина не стала королевой, даже когда они разбогатели, она осталась профессорской дочкой, такой же интеллигенткой до мозга костей, как и её папа, профессор, который не переставал лечить больных и тогда, когда самому ему было уже за восемьдесят и он сам нуждался в постоянном поддерживающем лечении. Марина и внешне, и внутренне была похожа на отца, её так и называли — папина дочка.

Мать Марины по складу характера мало отличалась от мужа. Она тоже любила свою работу и всегда с упоением рассказывала о ней, хотя была всего-навсего заведующей районной библиотекой.

«Святое семейство», — шутил над родителями жены по молодости лет зять. Тестя и тётчи уже нет в

живых, что никогда не мешало Марине гордо нести по жизни традиции родительской семьи. Она и детей воспитывала в том же духе, и отчасти, был вынужден признать Гордей, ей это удалось.

Трифонов, прихватив георгины, вышел из машины, подошёл к «Хонде» и постучал по стеклу. Дверь открылась, и на Гордея пахнуло тонким полузабытым ароматом Марининых духов. Он подал ей руку, а потом протянул цветы:

— Это тебе!

— Мне? — Она искренне удивилась, а потом смутилась и, покрасневшись как девочка, взяла цветы, уткнулась в них носом, закрыла глаза, открыла их и сказала тихо: — Спасибо тебе большое, Гордей.

В её глазах он прочитал то, что она не высказала вслух, а именно — «я не ожидала». Ещё бы ей ожидать, если даже на праздники он вместо цветов и подарков совал ей деньги и бросал небрежно на ходу: купи то, что тебе нужно.

Она всегда брала деньги таким неловким движением, отводя глаза в сторону, словно не была его законной женой и не могла распоряжаться деньгами наравне с ним. Сначала эта её манера вызывала у него усмешку, а потом начала раздражать — ну как же, она потомственная интеллигентка, а он простой парень, можно сказать, от сохи. А ещё его всё чаще посещала смутная догадка, что Марина вовсе и не радуется большим деньгам, которые стал зарабатывать муж. И, чтобы погасить нарастающее раздражение, он стал внушать себе, что вся щепетильность жены наигранна.

Может быть, именно поэтому его так обрадовала нескрываемая алчность в глазах Аниты, когда он сначала одаривал её дорогими подарками, а потом и денег стал давать столько, сколько она сначала

просила, а потом стала требовать. «Ненасытная», — думал он на первых порах с довольной усмешкой. Теперь же, глядя на жадный блеск в глазах второй жены, он вспоминал шаха из «Золотой антилопы». «Не к добру это, — думал Трифонов, — ох, не к добру».

И вот теперь он стоит напротив своей бывшей жены Марины и радуется удивлению и почти детской радости в её глазах.

— Ну, пойдём, — сказал Гордей, предлагая Марине руку, и она с готовностью ухватилась за неё. Они прошли внутрь кофейни. Гордей не мешал Марине выбирать столик, и она выбрала тот, что находился в одном из самых укромных мест в зале. Подошёл официант, зажёл свечу на их столике, положил меню перед Мариной.

— У вас не найдётся вазы для цветов? — спросил Гордей.

— Один момент, — ответил официант, исчез в полумраке зала и почти тотчас снова материализовался уже с вазой в руках.

Марина поставила в неё георгины и аккуратно поправила стебли, потом вернулась к меню и сделала заказ, заказав пирожное, кусочек лимонного пирога и чашку крепкого кофе без сахара. Трифонов любил сладкий кофе, поэтому заказал с сахаром и со сливками. Плюс к этому он попросил принести ему что-нибудь посытнее. Официант предложил пирожки с ливером и пирог с капустой с яйцами. Трифонов кивнул и добавил:

— Принесите-ка ещё ватрушку с творогом.

— Ты голодный, — проговорила Марина и добавила виновато: — Наверное, я зря выбрала кофейню. Может, пойдём в кафе, где можно заказать и первое, и второе?

— Ничего подобного, — возразил он горячо, — ты, как всегда, выбрала отличное место. Просто я сегодня что-то проголодался.

— То-то я вижу, что у тебя волчий аппетит, — тихо рассмеялась она.

— Да нет, это у меня нервный голод.

— Ты и нервы — вещи, по-моему, несовместимые, — улыбнулась Марина.

— Просто я сильно волновался перед встречей с тобой. — Он протянул руку и несмело, как на самом первом свидании в студенческие годы, коснулся руки Марины.

— Не надо, Гордей, — как в юности попросила она.

— Разве я делаю что-то неприличное? — тихо спросил он.

— Нет, просто я пока не готова.

Её ресницы трепетали и золотились в неровных отсветах, отбрасываемых пламенем свечи.

Гордей мысленно ухватился за это «пока» и, решив дать ей время, убрал руку. Они просидели в кофейне часа два, а потом Гордей предложил пройтись по набережной. На улице всё ещё было светло. С Волги веял свежий, но совсем не холодный ветерок.

— Август в этом году тёплый. Я бы даже сказал, жаркий, — засмеялся Гордей.

— Так ведь ещё лето, — пожалла плечами Марина.

Оставив машины на стоянке, они спустились на набережную, дошли пешком до речного порта, на обратном пути заглянули в часовню, поднялись на пешеходную улицу и долго гуляли по ней. Уже смеркалось, и струи бьющих здесь фонтанов стали казаться бархатными. Марина опустила руку в чашу одного из них и о чём-то задумалась.

— Ты чего, Марина? — спросил Гордей и нежно приобнял бывшую жену.

Она не оттолкнула его, помолчав, ответила:

— Что-то боязно мне, Гордей.

— Глупенькая, чего же ты боишься?

— Я сама не знаю, — пожала она плечами и осторожно освободилась от его руки.

— Думаю, что теперь у нас всё будет хорошо, — проговорил он внезапно охрипшим голосом. Ему захотелось подхватить её на руки, закружить, как когда-то давным-давно. Он невольно вспомнил, что Марина в ту пору была лёгкой, как пёрышко. Ему показалось, что она и теперь такая же, не прибавившая ни одного килограмма. Он уже хотел убедиться в этом, но, подумав, решил отложить эти шалости на потом. Гордей Тимофеевич снова почувствовал себя молодым и влюблённым. Он смотрел на разругавшуюся жену и видел, что она тоже похорошела и помолодела.

Когда Марина сказала, что им пора расстаться, потому что уже поздно, Трифонов предложил ей отвезти её до дома. Он знал, что живёт Марина в городской квартире, которую он оставил ей. В их старом загородном доме она почти не бывает, но и не продаёт его.

Она засмеялась:

— Ты забыл, что я на машине?

— Ничего я не забыл! Оставим твою машину на стоянке, а завтра мой человек пригонит её в твой гараж.

— Нет, не надо, Гордей, — отказалась она, смущённо объяснив, что пока не хотела бы форсировать события. Мол, неловко перед людьми.

Он хотел посмеяться над её опасениями, но подумав, согласился.

— Мариночка, ты, как всегда, права, — проговорил он, наклонился и поцеловал её в висок. Конечно, он

догадался, что больше всего Марина опасалась реакции детей на возобновление их отношений.

Посадив Марину в её «Хонду», он сел за руль своей машины и некоторое время следовал за «Хондой». Но потом всё-таки развернулся и поехал в сторону своего загородного дома.

Глава 3

Несмотря на то что возвращаться домой ему не особенно хотелось, Гордей внушил себе, что совсем скоро в его доме не будет Аниты, он позаботится об этом. И вскоре Трифонов уже летел, как на крыльях. В мыслях он был с Мариной. И, как позднее признавался самому себе, почти не смотрел на дорогу.

И вдруг он заметил, как что-то промелькнуло перед его машиной. Он резко затормозил. Когда машина остановилась, Трифонов схватил фонарик, который всегда лежал у него в бардачке, и, как ошпаренный, выскочил из салона и побежал назад. В нескольких метрах позади, возле дороги, он заметил её! В тёмной траве она лежала, точно сломанная кукла в белом.

Подойдя ближе, он понял, что сбил молодую женщину. Наклонившись пониже, он увидел кровь на её одежде. Он не смог сразу сообразить, откуда именно она течёт. Трифонов, не помня сам себя от ужаса, попытался расстегнуть пуговицы на её белом платье. Но она неожиданно застонала, приподнялась, попыталась сесть и закричала:

— Нога! Нога!

И тут до него дошло, что в крови был низ её платья. Он посветил туда фонариком, и рана показалась ему чудовищной. Не говоря ни слова, он ки-

нулся обратно к машине, вернувшись с аптечкой, обработал и перевязал её рану. Ему казалось, что девушка всё это время находилась без сознания. «Я должен вызвать «скорую», — подумал он, — а значит, и полиция приедет». Ему не хотелось этого. Но что делать, он полез за мобильным. И вдруг услышал её голос: «Помогите мне, ради бога!»

— Да я сейчас. — Он уже набирал цифры, её голос прошелестел: «Приподнимите меня».

Засунув телефон обратно в карман, он выполнил её просьбу.

Девушка стала озираться вокруг.

— Где я? Что со мной?

Он попытался сбивчиво объяснить. Но она, точно не слыша его, пыталась встать.

— Вам нельзя, — испуганно закричал он, — я сейчас вызову «скорую», — и снова полез за мобильником. Больше всего его пугала мысль, что она может истечь кровью. Хотя он вроде бы хорошо перевязал её ногу.

— Нет, не надо. — Она, казалось, только заметила его и попросила: — Отвезите меня домой.

Всё ещё обмирая внутренне от страха, он испытал явное облегчение и подчинился ей. Подняв девушку на руки, он донёс её до своего автомобиля, положил на заднее сиденье и осторожно тронулся с места.

— Куда ехать? — спросил он.

Она так же тихо назвала свой адрес. Он понял, что это был район двухэтажной застройки. Дома построили в конце пятидесятых годов прошлого века. Так и оказалось, девушка жила в одном из таких домов.

Когда машина остановилась, она прошептала:

— Ключи у меня в сумочке, — всё это время она крепко сжимала её в руках, — я не смогу встать на ногу, вам придётся меня нести.

— Да, да, — поспешно ответил он.

Поднявшись по старой скрипучей деревянной лестнице на второй этаж, Трифонов, поддерживая свою неожиданно отяжелевшую ношу, пытался попасть в скважину замка. Наконец ему это удалось. Он толкнул дверь ногой, прошёл через квадратную прихожую и оказался в небольшом, тоже квадратном зале. Опустив девушку на диван, он вернулся в прихожую, разулся, нашёл ванную, вымыл руки и, вернувшись, осмотрел её намокшую повязку.

Она следила за выражением его лица, потом усмехнулась, преодолевая боль:

— Что, всё так плохо?

— Да, во всяком случае, ничего хорошего, — честно ответил он, — нужен врач.

— Нет! — воскликнула она.

Но он, не слушая её возражений, набрал номер телефона знакомого врача и попросил его срочно приехать. Пока ждали врача, Трифонов представился:

— Меня зовут Гордей Тимофеевич, можно просто Гордей. А вас?

— Люция.

— Люция? — переспросил он озадаченно.

— Вам не нравится моё имя? — улыбнулась она через силу.

— Просто имя достаточно редкое...

— В России да, — согласилась она. — А вообще моё имя переводится с латинского как «свет».

Он посмотрел на неё и решил, что это имя подходит ей, как никакое другое. Измученное от боли лицо было таким бледным, что почти сливалось с белой наволочкой подушки, на которую он пристроил её голову. Мужчина заметил, что на лице девушки не было косметики. Волосы у неё были тоже светлыми. Ему нравилось то, что девушка держит-

ся молодцом, не кричит, не плачет, даже пытается храбриться.

Приехавший доктор осмотрел ногу девушки. Обработал рану, перевязал. Сделал Люции два укола и спросил Трифонова:

— Гордей Тимофеевич, что случилось с девушкой?

Трифонов уже собрался выложить правду, как заговорила сама девушка:

— Я гуляла вдоль дороги в траве.

— Ночью? — удивился врач.

— То есть я не совсем гуляла, — поправилась она, — я шла домой с вечеринки, решила сократить путь и заблудилась.

Трифонов видел по выражению лица доктора, что он не верит ни единому её слову.

Но та продолжала, и голос её слегка окреп:

— Я почувствовала, что на что-то налетела и закричала от боли. Потом, кажется, остановилась машина, и ко мне подбежал этот человек, — она кивнула в сторону Гордея и проговорила с нажимом в голосе: — Доктор, вы ведь видите, что я разбила ногу о камень.

— Всё может быть, всё может быть, — пробормотал врач и отвернулся в сторону. Потом, решив что-то про себя, он посмотрел на Трифонова и спросил: — У девушки есть родственники или знакомые?

— Нет! — быстро ответила она.

— Тогда понадобится сиделка, — озабоченно проговорил врач, пожевал губами и проговорил: — Я могу посоветовать вам одну квалифицированную сестру.

— Нет, не надо, — жалобно проговорила Люция.

— Вопрос с сиделкой я решу сам, — заверил доктора Трифонов, проводил его в прихожую, расплатился и закрыл за ним дверь.

— Зачем вы заставили врача солгать? — спросил Трифонов, садясь на стул возле постели пострадавшей.

— А что мне оставалось делать? — пробормотала она смущённо.

— Я должен вас поблагодарить? — печально усмехнулся он.

— Ну что вы! — пылко возразила она. — Это я должна поблагодарить вас.

— По-моему, не за что.

— Вы не правы! Ведь вы могли оставить меня на обочине дороги истекать кровью.

— Я не подумал об этом, — честно ответил он.

— Вот видите. — Она посмотрела на него ласково.

Он смутился и сказал:

— Я посижу с вами до утра, а потом подыщу вам сиделку.

— Ерунда, — бодро воскликнула она, — до утра я уже оклемаюсь настолько, что смогу сама доковылять до туалета и до кухни.

— Об этом и думать нечего, — запротестовал Гордей, — вам нельзя вставать.

— Мне нельзя залёживаться, — не согласилась она.

— Почему?

— Потому, что мне нужно работать. Иначе я умру с голоду.

— Об этом можете не беспокоиться, — уверенно проговорил Гордей, — итак, решено: я остаюсь у вас на ночь, а потом мы что-нибудь придумаем.

— Что же я могу с вами поделать, — беспомощно улыбнулась она, — я теперь полностью в вашей власти.

Он посмотрел на её лицо и понял, что она, таким образом, пошутила. По-видимому, начало действовать обезболивающее, введённое доктором, так как щёки девушки порозовели.

— Кстати, где вы работаете? — спросил он.

— В бутике «Малышка».

— Какое странное название. Никогда о таком не слышал, даже не догадывался, что теперь и детям покупают одежду в бутике.

— Он не для детей, — улыбнулась она.

— А для кого же?

— Для миниатюрных дам.

— Ах вот оно что. Есть хотите?

— Что?

— Есть, говорю, хотите?

— Нет, — ответила она, — но чаю бы выпила.

— Отлично, — сказал он и признался: — А я бы и закусил.

— Кухню найдёте? — спросила девушка.

— Легко!

— Тогда и холодильник найдёте, в нём сыр и колбаса. Сделайте себе бутерброды, а мне только чай.

— Договорились.

Трифонов нашёл не только хлеб, колбасу и сыр. Но и поднос в шкафу, на который поставил чашки с чаем и тарелки с бутербродами. Он приложил минимум усилий, не надеясь особо на успех, но его уговоры помогли, и Люция согласилась поесть. Он подложил ей под спину подушку, на колени поставил поднос. И она съела половину бутерброда с сыром, запив его чашкой крепко заваренного сладкого чая. Всё остальное съел Гордей.

— Хотите, я расскажу вам о своём имени? — спросила она, когда Трифонов отнёс грязную посуду на кухню и сложил её в раковину.

— Хочу, — кивнул он, — рассказывайте.

Нельзя было сказать, чтобы его слишком уж интересовала история имени девушки, сбитой им. Но надо же было чем-то занять время. Да и обижать бедняжку ему не хотелось.

— Так вот, — начала она. — В Швеции есть красивый предновогодний праздник — День святой Люции. Отмечается он 13 декабря.

В этот день шведы встают до рассвета, чтобы увидеть, как с первыми лучами солнца из утреннего тумана выплывает юная девушка неопишуемой красоты, по плечам и спине её струятся светлые длинные распущенные волосы. В руках у Люции блюдо, на котором лежат подарки для бедных людей, а над головой её светится нимб. День святой Люции в древности считался также праздником света. В ту пору люди говорили: «Со святой Люцией ночи убывают».

Пословица несколько изменилась после принятия григорианского календаря. До реформы 1582 года день 13 декабря считался самым тёмным днём в году и его отмечали процессиями с горящими факелами и свечами. После реформы день зимнего солнцестояния — то есть самый короткий день в году передвинулся на 21 декабря. Поэтому шведы стали говорить: «Со святой Люцией ночи убывают, но дни длиннее не становятся». Но тем не менее шведы чтят свою традицию и по сей день зажигают факелы и свечи, чтобы рассеять зимнюю тьму. В этот день выбирают самых красивых девушек везде, где только можно.

После избрания всех Люций люди выходят на улицу, и начинается очень трогательное и красивое

шествие. Юные девушки, облачённые в лучшие костюмы и в венках из брусничных веток, несут зажжённые свечи, их сопровождают молодые люди со звёздами и факелами. И все передвигаются по городу и поют рождественские песни. Так что для шведов День Святой Люции почти что Рождество. Люди заходят в школы, офисы, рестораны, кафе, лакомятся булочками с шафраном, грогом и коньяком, миндалем и виноградом. Красиво, правда? — Девушка во время всего своего рассказа смотрела прямо перед собой, а теперь повернула голову в сторону мужчины.

Трифонов же, наоборот, всё это время смотрел на неё.

— Красиво, — согласился он. — Жаль, что это только сказка.

— Не совсем, — ответила девушка. — Надпись на могиле в катакомбах Сан-Джованни в Сиракузах, датированная 400 годом, позволяет предположить, что она на самом деле жила там. К тому же о святой Люции упоминается во всех христианских документах. Около 600 года и в Сиракузах, и в Риме существовал монастырь Святой Люции.

— Да, — зевнул Гордей Тимофеевич, — и кто же она была на самом деле?

— Святая мученица.

— Мученица? — резко спросил Трифонов.

— А кто же, вы думали? — едва заметно улыбнулась девушка. — Первые описания её мученичества относятся к V—VI векам. Считается, что эта сицилианская дева умерла в мучениях за веру в III веке, во времена правления императора Диоклетиана.

— Бедняжка.

— О самой святой Люции известно не так уж много. Но я могу рассказать легенду о ней. Хочешь? — перешла она на «ты».

— Рассказывай, чего уж там, — разрешил он.

— Люция жила на Сицилии. Была она дочерью богатого римского гражданина из Сиракуз, который рано умер. Мать Люции, Евтихия, хотела выдать дочь замуж. Люция была красивой и умной девушкой, поэтому жениться на ней хотели многие. Но она отвергла всех женихов. Мать смирилась с желанием девушки принести обет безбрачия и посвятить свою жизнь служению Христу и помощи бедным после того, как заболела, а потом исцелилась от кровотечений на могиле святой Агаты в Катании.

Однако обиженные женихи думали иначе. Один из них пришёл в такое бешенство, что возбудил против Люции жестокое преследование. Судья Сиракуз Пашазиус принял сторону женихов и хотел отдать девушку в публичный дом.

— О времена! О нравы! — пробормотал Гордей.

— Да, — согласилась девушка и продолжила: — Только повозку, запряжённую быками, не смогли сдвинуть с места тысяча мужчин. Озверевшие женоненавистники подвергли Люцию многочисленным изощрённым пыткам. А перед смертью её ослепили, поэтому у святой Люции просят прозрения. Потом ей отрубили голову мечом. Как свидетельствуют некоторые документы, случилось это в 305 году.

— Ты нагнала на меня тоску, — вздохнул Гордей Тимофеевич.

— Но не всё так печально.

— Да ну?

— Конечно, на День святой Люции дарят подарки, у католиков даже есть поговорка, которая пере-